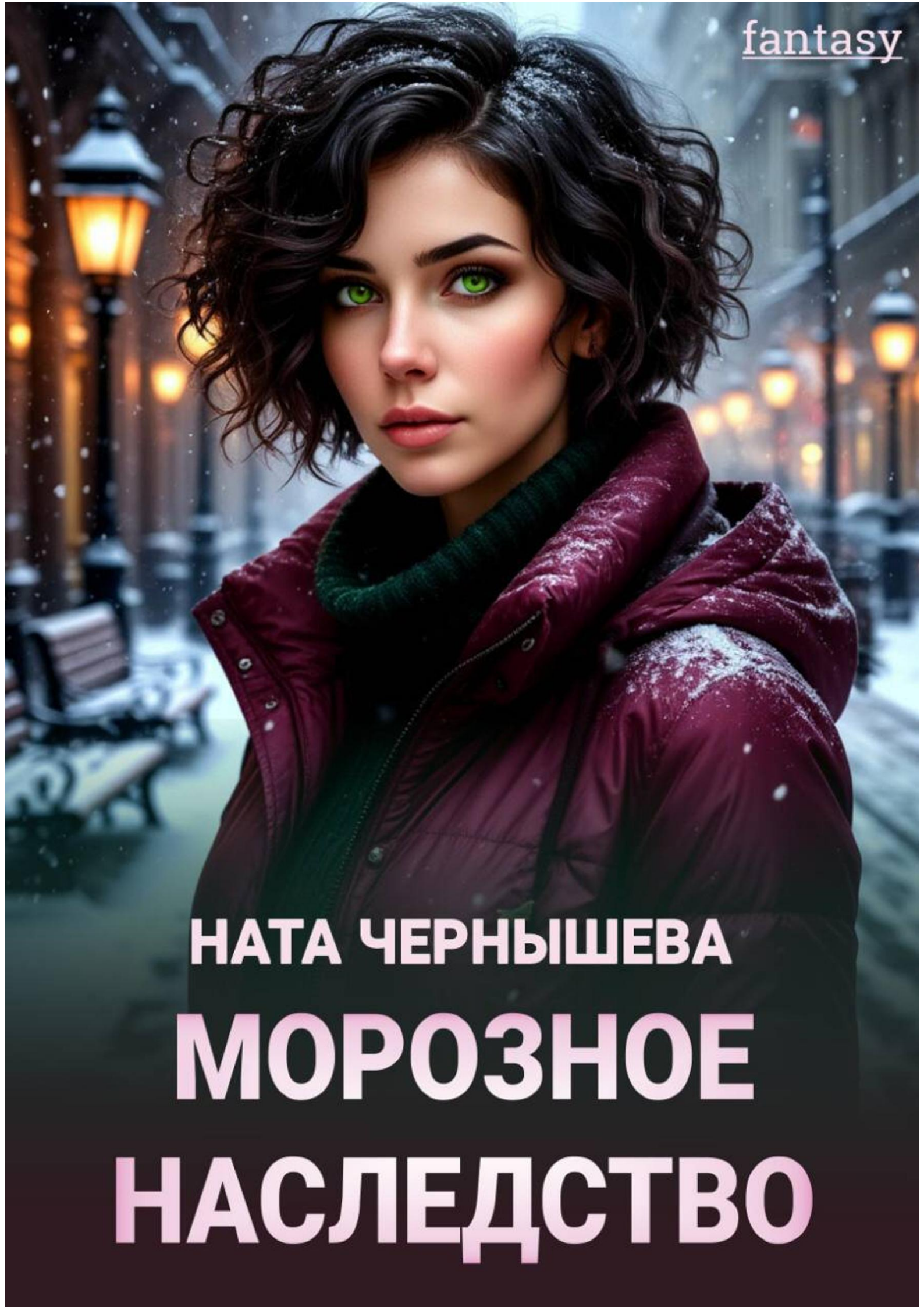

fantasy

НАТА ЧЕРНЫШЕВА
МОРОЗНОЕ
НАСЛЕДСТВО

Ната Чернышева
Морозное наследство

«Автор»

2026

Чернышева Н.

Морозное наследство / Н. Чернышева — «Автор», 2026

Однажды в ледяной зимний вечер на автобусной остановке ко мне подошёл незнакомец. Он заявил, что дальняя родственница оставила мне имущество, передал пакет с документами на её дом и растворился в метели, будто его и не было. Мне бы радоваться, но на подарок судьбы нашлись другие претенденты, обладающие силами, какие мне даже не снились. Теперь мне предстоит не просто обжиться в новом месте, а вступить в борьбу за опасное наследство, раскрыть тайны прежней хозяйки и понять, почему именно меня она выбрала в хранители дорогого её сердцу крова.

© Чернышева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ната Чернышева

Морозное наследство

НАТА ЧЕРНЫШЕВА
МОРОЗНОЕ НАСЛЕДСТВО

Однажды в ледяной зимний вечер на автобусной остановке ко мне подошёл незнакомец. Он заявил, что дальняя родственница оставила мне имущество, передал пакет с документами на её дом и растворился в метели, будто его и не было.

Мне бы радоваться, но на подарок судьбы нашлись другие претенденты, обладающие силами, какие мне даже не снились.

Теперь мне предстоит не просто обжиться в новом месте, а вступить в борьбу за опасное наследство, раскрыть тайны прежней хозяйки и понять, почему именно меня она выбрала в хранители дорогого её сердцу крова.

ГЛАВА 1

Метель свалилась на город внезапно. День, без того тусклый и сумрачный, пропал совсем, как будто его и не было. Ливневой снег размывал свет уличных фонарей в неяркие пятна.

Я стояла на автобусной остановке, с двумя большими сумками и одним чемоданом, и всё ещё не осознавала до конца, в какую яму упала в одночасье.

Мне казалось, что случилась какая-то ошибка или вовсе кошмарный сон. Сейчас ошибка будет исправлена, а сон развеется без следа. Вот прямо сейчас!

Но ничего не менялось, кроме температуры окружающей среды. Она медленно и неотвратно падала. Я помнила прогноз на ближайшие трое суток: минус пятнадцать, северный ветер, снег.

А началось всё с кота. Лохматого, чернущего и огромного, как тот Бегемот из всем известного романа. Возвращалась после работы, а он сидел на лавочке, с презрением разглядывая проходивших мимо равнодушных людей. Он не побежал, когда я к нему подошла. Бывшedomашний, ясно же. Кто-то выкинул. Под праздник и в мороз, ага. Чтобы уже наверняка...

Я впустила его погреться. Стала думать, кому б пристроить, потому что жила я в съёмной однушке. Своё жильё мне пока что только снилось.

Буквально через час прилетела чума в лице квартирной хозяйки на пару с двухметровым сыночком-амбалом в качестве поддержки. «Добрые» соседи мгновенно капнули про кота, а хозяйка с семейством проживала в нашем же доме, только в другой парадной.

Произошёл безобразный, свинский скандал. Пока мамочка с сынулей на меня орали, спасёныш проскользнул в дверь и был таков. А я оказалась с вещами на остановке. И задаток мне старая гримза не вернула, потому что в договоре чётко было прописано: без животных. Появляется животное – тут же на выход без возврата задатка. Я об этом пункте за полтора года съёма забыла.

Плевать, не пропаду, есть же хостелы, в конце-то концов. Перебиться как-нибудь до зарплаты денег у меня хватит. Кота жаль. Сгинет! Где его искать, я себе не представляла даже. Забился куда-то и там сидит, кошки не любят громкий шум. Не факт, что в той же самой парадной. Процесс моего изгнания с удовольствием наблюдали все, кому срочно понадобилось именно в этот момент выгулять собаку, вынести мусор или сбегать в магазин на углу.

Вибрация. Смс о списании денег, автоплатёж. Проклятье! Я забыла отменить все автоплатежи по коммуналке! Я срочно полезла в онлайн-банк и закрыла всё, что обслуживало проклятую квартиру. Слава богу, от ЕИРЦ, за воду-свет-тепло ещё счёт не пришёл, они всегда задерживают. Но четыре тысячи за услуги управляющей компании моя бывшая хозяйка получила даром. И назад платёж уже не вернуть.

Зараза. Если не везёт, так не везёт с размахом.

Почему? За что? У всех под Новый Год чудеса и праздники, а у меня вот это!

Но, если по совести, даже если бы я знала всё наперёд, нипочём бы мимо не прошла всё равно. Разве что заранее сунула бы мохнатого в спортивную сумку, чтобы унести с собой.

Хватит жевать сопли. Я открыла интернет, стала искать хостел. Ближайший, не по конской цене, с заселением именно сегодня, на две недели минимум. Найти подходящую однушку или студию задача непростая и на автобусной остановке за два клика не решается.

Через некоторое время я поняла, что невезение продолжается. Глухой сезон, последняя декада декабря. Туристы расхватили примерно чуть больше, чем всё. Такой уж у нас город, здесь всегда высокий сезон, и зимой, и летом. Летом – белые ночи, зимой – Новый год...

С трудом нашла в одном хостеле место на пару дней не с завтрашнего утра и не через три дня, а сегодня именно, забронировала, теперь туда следовало явиться.

С багажом. На общественном транспорте, потому что платить за такси меня старательно душила за горло увесистая жаба. И у смартфона заканчивался заряд.

Метель поредела, теперь в свете фонарей кружились лишь лёгкие блёстки, льдистые искорки. Город прихорошился к празднику, в окнах сияли разноцветные гирлянды, на деревьях развешаны были они же, на столбах горели красивыми огнями новогодние огни.

В новогодье ждёшь поневоле ждёшь чудес. Но им неоткуда браться. Всё, выросла, подарки не положены, плохо себя там вела весь год или же хорошо. На Новый год чудо для себя тебе нужно делать самой, просто потому, что его больше некому делать.

Но какое чудо я могла сотворить, сидя на мёрзлой остановке общественного транспорта? Сим-сим откройся, жильё появись? Ага. Уже.

Есть ещё вариант сдать и уехать домой, в родное Зауралье. Направление сейчас свободное, сюда едут оттуда, а я отправлюсь туда. Вокзал, опять же, не улица, там теплее. Но...

А зачем тогда было вот это всё? Учёба, работа?..

Я мёрзла, как собачий хвост, автобус задерживался. Торчит где-то в пробке, снега за день навалило, понимать надо. И кофе бы выпить, но вблизи кофейни нет, к ней надо идти.

Вот тогда-то к автобусной остановке и подошёл он.

Невысокий мужчина неопределённого возраста, что-то между тридцатью и сорока, с гривой чёрных, слегка вьющихся на концах, волос по плечи. Бывают такие люди: длинные густые волосы и залысины с двух сторон надо лбом. Как ему не холодно без шапки в мороз, опустим. Это Питер, детка. Здесь каждый ходит так, как считает нужным. Одним жарко, другим холодно. Кто-то вымерз как последний мамонт, а у кого-то голые лодыжки и шапки нет на голове.

Я косилась на него, что-то меня в нём тревожило, но что именно, понять не могла. А вдруг маньяк, и его интересуют мои вещи, моя честь и мой мотоцикл? Мотоцикла нет (а то сидела бы я здесь!), а вот первое и второе пока что в наличии.

Маньяк почуял мой взгляд, вскинул голову, посмотрел на меня прямо. Я плохо разбираюсь в людях, но здесь радость осветила лицо незнакомца слишком уж явно. А я вдруг как-то очень остро ощутила, что вокруг – никого. На проклятой автобусной остановке я совсем одна. Это утром здесь толпа, вечером же народ возвращается с работы, а не едет на неё.

Вечер, метель, мороз, фонарь есть, аптеки нет, всё живое сидит сейчас в тепле и пьёт горячий кофе. А передо мной стоит маньяк.

– Прощу прощения, – заговорил маньяк мягким, красивым, бархатистым каким-то голосом, – но вы – Злата Сергеевна Боярова? Дело в том, – торопливо продолжил он, правильно расшифровав мою реакцию, – что мой доверитель поручил мне найти вас. Я пришёл по адресу, а там сказали, что вас нет, что вы ушли, а куда, не знают.

Ещё бы они знали, хозяйка и её сыночек!

– А это действительно вы? – вдруг засомневался маньяк.

Он, как я тогда с хозяйским сыном, сравнил наши габариты, и вышло так, что я крупнее, выше и могу задавить массой, а ещё у меня тяжёлые баулы чемоданного типа. Их ведь тоже можно двинуть, и прыгай потом, уклоняйся. На обледенелом асфальте!

– А вы кто? – спросила я настороженно.

– Мышкин Аристарх Демидович, – назвалса он, охлопал себя по карманам, выудил и протянул мне визитку, чёрную с золотом: – Адвокат по... – тут он слегка запнулся, но потом всё же продолжил: – По особым делам.

– По особым делам бывают следователи, – указала я, но визитку взяла.

Там ничего не значилось, кроме фамилии, имени с отчеством и номера телефона. Золотые буквы на чёрном, бархатном, приятном на ощупь материале. Номер, судя по первым после семёрки цифрам – 921 – обычный сотовый.

Мышкин.

Сразу вспомнился роман Достоевского, предмет особой ненависти в школе и внезапное «на душу легло» года через два после ЕГЭ. Но ничего общего, конечно же, кроме фамилии, у живого Мышкина с литературным персонажем не было.

– Оставьте себе, – отмахнулся он, имея в виду свою визитку.

– Зачем вы искали меня?

– А, да. Видите ли, моя доверительница составила на вас завещание и очень просила, чтобы я проследил...

– У меня нет богатых родственников, – сразу же заявила я. – Все мои старшие живы.

– Проследил после её кончины за тем, чтобы наследство вы приняли, Злата Сергеевна. Все документы подготовлены, вам остаётся только подать заявление о переходе права собственности через МФЦ или в электронном виде, как вам будет удобнее.

Поймите меня правильно. В наш двадцать первый век мошенников самого различного толка услышать на улице от постороннего маньяка Мышкина, что я – счастливая получательница наследства... Право собственности?!

Кажется, последние слова вырвались у меня на воздух вслух.

– Да, именно так. Дом общей площадью сто два квадратных метра и земля при нём, придомовой участок шесть соток...

– И я должна внести задаток? – понимающе покивала я.

– Нет, – удивился Мышкин, – зачем? Разве госпошлину на переход права собственности, но это всё безналично платится, через портал Госуслуг... Возьмите ключи. И адрес вот написан, здесь.

Мне протянули кожаную, выдавшую виды, ключницу. Сверху у неё был небольшой прозрачный кармашек, в него вставили аккуратно вырезанную бумажку из тетрадного листа в клеточку. На бумаге чёрными чернилами очень аккуратным красивым – каллиграфическим, вспомнилось мне определение, – почерком был выведен адрес.

Наверное, у меня окончательно замёрзли мозги, ничем другим объяснить дальнейшее было нельзя. Сыграл и тот факт, что я осталась без жилья, а здесь мне предлагали целый дом.

– Это вон туда, – объяснил Мышкин маньяк. – Улицу перейти и вон под ту арку. Когда этот район застраивался, моя доверительница сумела отстоять своё жильё, и так оно и осталось.

Зажатые между новостройками старые особняки в городе не были чем-то удивительным, они встречались. Другое дело, что они постепенно исчезали, вслед за своими хозяевами. Их сносили, потом место застраивали высотками или торговыми центрами.

– Дому нужна новая хозяйка, – извиняющимся голосом выговорил мой новый знакомец. – Иначе, сами понимаете, Злата Сергеевна. Без хозяйки-то...

Что уже тут не понять. Снесут! Земля в центре стоит дорого.

– А теперь простите меня великодушно, – и снова этот виноватый тон. – Моё время истекло, я спешу.

– Погодите! – воскликнула я. – Точно никакой ошибки нет? Вы уверены?

Но тут подкатил автобус, и вывалившая оттуда толпа снесла Мышкина как бурный горный поток деревянную щепку. Я ещё пыталась отследить его голову с пышной чёрной шевелюрой вместо шапки. Бесполезно. Автобус уехал, люди разошлись, улица опустела снова.

Снова пошёл снег, мелкий, льдистый. Колкие сияющие искры танцевали в свете фонарей, опускались, взмывали, падали снова.

Чашечки весов. Хостел. Завещанный дом с ключами к нему. А, Злата, на проблемы богата? Что скажешь?

Мошенники, они бы не отстали, пока не завели бы в подворотню, а уже там всё получили бы, что хотели. А этот ключи всучил и исчез.

Адрес бы проверить. Но смартфон ушёл в себя и включаться отказался. Экран оставался пуст и черён, светилась только картинка красной батарейки в углу. Полный разряд, эх.

– Ну нафиг, – растерянно сказала я, разглядывая противоположную сторону улицы.

Арка между домами призывно зияла тёмным провалом.

Г

ЛАВА 2

Я прокляла всё, пока тащилась от остановки через широкий проспект на ту сторону. Слишком уж тяжёлые баулы, слишком холодно, я слишком долго просидела на морозе. Я замёрзла до синих соплей! Заболею. А не хотелось бы.

Не сейчас, когда сказочная избушка вроде как повернулась ко мне передом. Кто меня встретит на её пороге? Баба-яга?

У арки меня встретил чёрный кот. Он сидел там давно, судя по снегу на шубке, который уже даже не таял. Но никаких жалобных «мяу» я от него не услышала. Лишь усталый, полный презрения взгляд.

Бывшedomашний, ясно же.

И тут я споткнулась. Долго всматривалась в кота. Тот или не тот?!

Теоретически мой знакомец мог перебежать на эту сторону. Здесь совсем недалеко так-то. Практически со времени моего изгнания и побега мохнатого в подъезд прошло несколько часов. Он *мог*. Как перебежать, так и досидеться здесь до состояния небольшого сугроба.

Случайность? Или?..

– Кис-кис, – хриплым голосом сказала я, и тут же поняла полную безнадёжность сказанного.

В ушах отдался эхом голос квартирной хозяйки: «зассут... загадят... ремонт... диваны... блохи! Шерсть! Грязь! Вонь!»

А потом меня будто лицом в стену с разгону впечатало. Да у меня же теперь есть свой собственный дом. Не съём, где ни вернуться, ни развернуться, не хостел, где вообще нет ничего своего, кроме соплей под носом, а своё личное жильё, где я сама себе хозяйка. Странно, конечно, кому бы вздумалось мне дом завещать, но вот же и ключи есть! Может, ошибка, и меня завтра из дома попросят? Ну да это будет завтра, не сегодня. А кот морозную ночь не переживёт.

Раз уж он встретился у меня на пути второй раз, то это судьба. Получила добро – передай его дальше.

– Пошли со мной! – решительно сказала я зверю. – Пойдёшь?

Я протянула коту руку. Он обнюхал мои пальцы, едва касаясь длинными усами. Я осторожно погладила его, почесала за ушком, опасаясь, что снова сбежит. Взяла на руки. Кот не вырывался, только как-то вздохнул совсем по-человечески и привалился ко мне боком. Наверное, уже и не надеялся вовсе на спасение. Как я не так уж давно.

А, пропадать, так пропадать уже до конца! Я расстегнула молнию пуховика, устроила кота за пазухой, подвязала шарфом, чтобы торчала только голова. Холодный... давно мёрзнет, бедолага.

Арка показалась мне бесконечной. Мрачный, тускло освещённый тоннель с граффити на стенах, обрывками объявлений там же, подтаявшим от химической соли «прощай, обувь» снегом под ногами. Изнутри несло ледяным ветром, пришлось идти пригнувшись и бояться за кота, вдруг вывалится. Но он там как-то сам сообразил, растопырился лапами и удержался.

Арка закончилась на удивление уютным двориком. Деревянный заборчик, больше декоративный, чем функциональный, старые громадные ели, снизу доверху в шишках, заметенная снегом – давно не убирала – дорожка к калитке. Стены жилых домов – пятиэтажных панельных хрущёвок – окружали участок со всех сторон. Электрический свет из окон пробивался сквозь заснеженные лапы елей, создавая волшебный полумрак.

А есть ли сюда ещё какой-нибудь вход, ошалело подумала я. Кажется, вокруг унаследованного мной по какому-то недоразумению дома нарочно строили именно так, чтобы выхода к нему из панелек не было ни одного. Только арка на проспект, всё. А вдоль домов, опять же, стоят густые кусты и деревья, сирень, шиповник, те же ёлки и ещё дубы, кажется. Должны были быть ещё и берёзы, самое распространённое городское дерево, но с этой стороны их нет. Может, дальше есть, но отсюда не видно.

Ветра во дворе не было (и откуда он только брался в арке?), но стоял крепкий мороз. Крепче, чем на остановке. Наверное, уже почти под минус двадцать.

Ключи подошли к калитке. Она закрылась за мной сама с тихим щелчком, хотя я не разглядела доводчика. Но есть, наверное. Завтра при свете дня посмотрю.

Небольшое крепкое деревянное крыльцо с навесом и резными столбчатыми перилами. Шесть заснеженных ступенек. Как я затягивала наверх свои баулы, не спрашивайте. Как-то.

Внутри встречали меня тишина и холод. Хорошо, что я сразу увидела электрический щиток, современный, между прочим! Прихожую осветила жёлтая лампа, висевшая под потолком.

– Однако, – вслух поразила я.

Дом оказался вовсе не развалюхой, в нём не так уж давно сделали ремонт. Год назад, может быть, два. Лампы, стилизованные под старые лампочки накаливания, внешняя проводка из витого шнура, светло окрашенные, под побелку, стены. Цветные циновки на полу, под стиль вязаных деревенских ковриков!

На комод лежала в файлике инструкция. Как включить газовый отопительный котёл. Пошагово, очень подробно, на дурака. И продумано: хозяйка явно знала, что не доживёт до зимы, но почему-то была уверена, что наследник найдётся и войдёт в дом именно в холодное время года. Загадка.

Я выпустила кота, сняла пуховик, обувь. Прошла на кухню и выполнила все пункты по инструкции.

В дом постепенно начало возвращаться тепло. Кот с достоинством сел рядом с батареей, скрытой под ажурным, под дерево, экраном. Теперь он уже не замёрзнет.

– Это всё прекрасно, – я никак не могла поверить своему счастью. – Чудесно просто. Но, полагаю, нам неплохо бы что-нибудь пожевать. Вряд ли здесь есть продукты. Тащиться в мороз в магазин мне лень, сейчас зарядим смартфон и сделаем доставку. Как ты на это смотришь, мой пушистый друг?

Кот смотрел положительно. Тоска с его мордочки не пропала, но ему явно полегчало. Надо думать! Подворотня с холодными стенами и снегом под лапами или же тёплая батарея, есть ведь разница.

Сюрприз: доставка до – в данном случае, калитки – отказалась доставлять. Или в арке их встречай или сиди голодная. Делать нечего, пришлось одеваться снова.

Но оно того стоило!

Сначала мы с котом слопали готовую еду: я – пиццу, он – мелко порезанную сырую куриную грудку. Потом, уже не спеша, я сделала жарёху с картошкой и беконом, а коту достался бекон, опять же, измельчённый. Чем его кормить постоянно, я ещё подумаю. На ветеринара... деньги найду.

После сытной еды отчаянно потянуло в сон. Всё-таки я замёрзла, как бы ещё не заболеть. Посуду я тщательно вымыла, но и всё. Голова стала тяжёлой, как чугунная утятница, которую я заметила на полке с посудой.

– Пошли спать, – сказала я коту заплетающимся языком и побрела в комнату.

Спальня здесь тоже была, но туда я попросту не дошла. Свалилась на диван в гостиной, и провалилась в забвение.

Наутро я долго не могла понять, что вокруг не так. Во-первых, тепло. Не просто тепло – уютно. Во-вторых, я впервые за последние несколько лет по-настоящему выпалась и отдохнула. Голова не болела, в висках не ныло, и не вскакивала я с постели только по одной причине: хотелось ещё немного поваляться, понежиться, потому что впереди прорва дел, и они никогда не закончатся. А я у себя – здесь и сейчас, и мне хорошо.

Всё же я заставила себя открыть глаза. Очень долго смотрела на потолок, медленно соображая, почему он не такой, к какому я привыкла. Потом меня подбросило на месте: квартирная хозяйка выгнала! А некто странный передал ключи от завещанного мне дома...

Так вот я где. В том самом доме!

А где кот?

Кот обнаружился в прихожей. Сидел чёрной статуэткой и сверлил взглядом входную дверь.

– Тебе выйти надо, да? – спросила я.

Кот повернул голову, долго смотрел на меня зелеными глазами. Надо же, а я слышала, что животные избегают смотреть в глаза человеку...

– А ты вернёшься? – на всякий случай уточнила я.

Кот молчал. Чёрная шкурка блестела, как китайский шёлк. Всё-таки не дитя подворотни, а домашний.

Вот же я глупая, лоток с наполнителем вчера заказать забыла!

– Вернись, пожалуйста, – попросила я, открывая дверь.

Снаружи дохнуло морозом, вкусом свежеевыпавшего снега вперемешку с хвоей, тишиной. От шумных проспектов защищали дома, от домов – старые ели едва ли не вровень с крышами. Город здесь не ощущался никак. Будто в глушь попала, на опушку в дремучем лесу. Глянуть бы ещё, есть ли у дома куриные ноги!

Кот чёрной каплей вытек наружу. Пошёл, не оглядываясь, отряхивая лапы от снега.

– Вернись, – сказала я ему, уходящему, вслед.

Мне же на работу! Но я внезапно поняла одну простую вещь: кота надо дожидаться. В рабочий чат скину сейчас сообщение, что заболела. Врать нехорошо? Премии лишат? Да на здоровье. Живое существо важнее!

В гостиной на столе – круглом, на одной ножке, лежала папка с выписками и распечатками документов по дому и простой белый конверт.

В конверте, надо думать, письмо. Что же ещё-то?

Письмо было написано всё тем же каллиграфическим почерком, что и адрес на бумажке в прозрачном кармашке ключницы.

«Моей преемнице...»

Меня тут же кольнула странная формулировка. Не наследнице. Преемнице.

«Мы незнакомы. Но именно тебе предстоит принять на себя моё предназначение и сделать его своим. Считаю меня двоюродной прабабушкой твоей бабушки, мы с тобой – одной крови, ты и я. Иначе мой Мышкин не смог бы разыскать тебя»...

Мой Мышкин. Любопытно. Внук или правнук? Нет, автор письма намекнула на вовсе уж несусветный возраст! Хотя... смотря по какой линии родство. В моём классе учились одновременно ровесницы – двоюродная бабушка и внучка. Всё потому, что между отцом одной и дедом другой была большая пропасть по времени: один – самый младший в большой семье, другой – самый старший...

Может, Мышкин – любовник, несмотря на большую разницу в возрасте? Бывает и так.

Я вспомнила странного знакомого из вчерашнего вечера, и мне стало зябко. Кажется, он старше, чем я о нём поначалу подумала. И, похоже, не любовник вовсе. Адвокат, он сказал. По особым делам. Загадка.

Родственницы с таким домиком посреди городской застройки я вообще не припоминала, хоть убейте меня и тут же закидайте мой труп драными тапками!

«Я уйду в срок, и изменить это не в моих силах. Но дом без хозяйки будет заброшен, разрушен и разграблен. Я не могу этого допустить. Владей по праву переданной силы, ведьма Злата. Благословение тебе на твоём пути».

– Чего? – не поняла я вслух. – Какая ещё ведьма?! Насмотрятся всяких гаррипоттеров, вот и – тихо шифером шурша, едет крыша не спеша...

Я прикусила язык, поймав себя на том, что рассуждаю как старая перечница на лавочке, которая всё знает обо всех – кто в доме наркоман, кто проститутка, а кто, господи прости, и вовсе квадробер. Неприятное чувство!

Я оглянулась. Дом как дом. Стены, пол, потолок, мебель. Вот документы на столе. Выписка из кадастра, заверенное нотариусом завещание, свежая справка от психиатра – похоже, бабушка предусмотрела всё. Дом – мой.

Фамилия у неё была такая же, как и моя – Боярова. А вот имечко не нашенское: Ровена. Ровена Велимировна Боярова, как вам это нравится? И никакая она не родственница, не было у нас никого с таким именем. Я не помнила.

Но, с другой стороны, по всем документам дом теперь принадлежит мне. Оформление права собственности запущено.

Кота что-то долго нет. Лучше бы проверить, где он там, всё-таки снаружи холодно. И вообще, зверь какой-то молчун, я ещё не слышала от него ни одного «мяу». Может, он немой? Сидит под дверью, мёрзнет, а голос подать, чтоб услышали, не может.

Я переоделась, вышла на крыльцо. Заметила снегоуборочную лопату, прислонённую к стене и заметённую наполовину. Да, дорожку надо бы почистить. Поработаю, а там и мохнатый придёт.

Что я так нервничаю из-за простого кошака? А вот. Будто он мне родной, и я за него в ответе. Чтобы не потерялся, чтобы не задавили, чтобы не пнули и не отравили... Люди, они разные.

– Кис-кис! – позвала я.

Тишина.

– Да куда ж ты делся, чучело! – вслух выговорила я, присматриваясь к кошачьим следам.

Вот он бежал по дорожке. Вот повернул вдоль оградки. Здесь следы обрывались, как будто кот прыгнул на верх заборчика, как у кошачьих это водится, и продолжил путь уже по нему. А вот нетронутый снег на самой оgrade. Дальше не пошёл, и куда делся-то.

Я подняла голову и обомлела от ужаса. Какой-то мужик душил моего кота, может, уже и убил. Какое счастье, что я прихватила с собой лопату!

Руки чуть не отвалились, честное слово! Била я от души, не задумываясь о последствиях. Мне было важнее спасти несчастного кота, чем заботиться о здоровье мерзавца. Бесчеловечное отношение к животным – мой триггер, ничего с собой поделаться не могу.

Пальцы убийцы разжались, кот упал безвольной тряпочкой, и меня обдало ужасом: умер. Убили!

– А ну пошёл отсюда вон! – заорала я, перехватывая черенок лопаты поудобнее.

Режим берсерка ON. Я нисколько не сомневалась в том, что дотянусь, и негодяй пожалует о том, что на свет родился.

Мерзавец шагнул вперёд странным текучим движением. Капюшон полностью скрывал его лицо, да так, что казалось, будто лица вовсе нет, сплошная тьма, не проницаемая для взгляда. И оттуда вдруг дохнуло могильным холодом, вмиг пробравшим до самых костей.

– Отдай, – прошипел он злобно. – Отдай!

Кот, к своему кошачью счастью, свалился не снаружи забора, а ко мне во двор. Я чуть отвела руки с лопатой, чтобы удар получился лучше. Незванный гость мне не нравился совсем. От него веяло ужасом.

– Пошёл вон, – сказала я.

– Не твоё! – в мою сторону протянулись руки в чёрных вязаных перчатках, пальцы хищно согнулись и стали похожи на железные крючья.

У меня у самой невольно перехватило шею. Бедное животное! Каково ему пришлось...

– Вон пошёл, кому сказала, – ровным голосом велела я. – Ничего не знаю. Кот теперь мой. И душить его не дам!

Не буду врать, перепугалась я знатно. Если этот тип, кем бы он ни был, вдруг перемахнёт через низенький заборчик, что я ему сделаю? Лопата – прекрасное орудие, но против грубой физической силы защита так себе.

– Отда-ай! – протяжный крик продрал меня до самых костей.

Казалось бы, невозможно испугаться ещё сильнее, но от голоса негодяя меня охватил не испуг, а самый натуральный ужас. Он под вещами, что ли?! Боже!

– Пошёл вон! – заорала я, замахиваясь лопатой.

Иногда на затуманенное запрещёнкой сознание действуют наглость и крик. Хотя это не точно.

– Вон! Это мой кот и мой дом!

Вместе с моими словами внезапно прогремел удар беззвучного грома. С еловых ветвей водопадом посыпался снег. Грохота, какой бывает при грозе, не вышло, зато будто саму основу мира пошатнуло, и по ней пошла ударная волна. Она толкнула незваного гостя в грудь, и тот попятился, не сводя с меня взгляда.

Я по-прежнему не видела его лица, оно скрывалось под капюшоном. Но взгляд ощутила в полной мере: смертельная злоба. Ещё шаг назад, ещё. Я моргнула, и этого хватило: силуэт пропал.

Руки на черенке затряслись так сильно, что лопата выскользнула в снег.

– Тьфу, – плюнула я. – Погань.

Перевела взгляд на кота. Неужели погиб? Но он зашевелился, сипло пискнул, не как взрослый, а как котёнок, отбившийся от мамки. Я поспешила к нему, подсунула руки под мохнатое тельце, прижала к себе.

Злые слёзы покатались по щекам: а если бы я не успела? А если убийца вернётся, когда меня не будет рядом?

Всё-таки было в его действиях нечто отменно страшное. Разве станет нормальный человек убивать незнакомого кота, пусть даже чёрного? Да ещё – хваткой за горло, через удушье. У нас тут не инквизиция и не средние века, здесь двадцать первый век, на минуточку!

Кот лизнул мне руку. В благодарность, надо понимать.

Обошлось.

Но пока я шла к дому, прижимая к себе кота, я думала о том, что отсиживаться вечно у меня не получится. Нужны продукты. Как минимум. Как максимум – предстоящий корпоратив, будь он неладен.

Что я буду делать, если встречу мерзавца за пределами дома, где-нибудь на городских улицах или хотя бы в той же арке, ведущей сюда?

ГЛАВА 3

Я сварила кофе. Кухня, к слову, в доме оказалась конфеткой: евроремонт и кухонная техника известного бренда. Электродуховка. Микроволновая печь. Холодильник, в который можно запихнуть мамонта, и ещё место останется. Сушильная машина. Посудомойка. Кухонный комбайн с насадками на все случаи жизни: от фарша, домашних колбас и бисквита до свежесжатого сока. Мойка – полный зверь, я такое только в видеороликах на тытрубе видала. Не удивлюсь, если там встроен измельчитель, способный перемолоть в труху целое вареное яйцо ради того, чтобы канализация не забивалась.

Бабушка знала толк в хорошей жизни. Обустроивалась основательно. Где у неё на это все деньги брались? Не знаю. По документам мне принадлежал только дом, а не банковские счета.

Да бог с ними, со счетами! Крыша над головой – уже чудо. Своя, собственная. Я здесь хозяйка. И за спасённого с улицы кота мне ничего не будет.

Кот обнаружился у пустых мисок. Вроде бодрый, удушение ему, конечно, не понравилось, но серьёзного вреда я не увидела. Я разморозила и нарезала для него сёмгу. А потом задумалась.

Чем его кормить? Сёмгой будет чересчур накладно, сёмгу я и себе не могла позволить на каждый день.

– Надо тебя отнести к ветеринару, – со вздохом сказала я. – Как ты на это смотришь?

Кот взъерошился и посмотрел очень нехорошо.

– Нет, ну а какие варианты-то? – удивилась я. – Ты ж уличный. Блохи есть? Богатая внутренняя жизнь наверняка имеется, вон как сырое уплетаешь, аж за ушами трещит. Где сырое, там и милые кровососущие ребята, обожающие кишечники свободных и независимых котиков.

Я выплеснула остатки кофе в раковину, смыла.

Надо было идти на работу. Счёт сам себя не пополнит, а новогоднюю премию за красивые глаза не выдают.

За окнами снова пошёл снег. Крупными круглыми шариками, очень густо, так, что от него сыпались на белую промороженную землю мельтешащие тени.

На работе всё как всегда, шло по пирамиде Хеопса в компании с пушистым зверьком, эндемиком Арктики. Ну, конец года, что вы хотите. Квартальный отчёт плюс годовой, налоги, зарплаты, склады, могучий 1С, которому взбрело в условную голову заглянуть и повиснуть... Рутинка.

Я переживала за кота, оставленного дома. Животное же. Выберется как-нибудь, попрётся за забор по своим кошачьим делам, а там опять душитель появится.

Надо баллончик купить. А ещё лучше шокер. Лопата лопатой, но что бы я делала, если бы получила по голове этой же лопатой? Воин-спецназовец из меня так себе.

В офисе возникло начальство. Как известно, шеф никогда не опаздывает, шеф задерживается. Все девчонки тут же вытянули в его сторону шеи. А как же, типичный властный босс с обложки женского романа! Костюм, галстук, борода, дорогой парфюм, обаятельнейшая улыбка и лёд в синих глазах.

Наёмный персонал есть наёмный персонал. С ним не любовь строят, его эксплуатируют в обмен на зарплату. И если кто-то даёт, то можно и взять, почему бы нет. Вот только наши властные кубики пресса от всех пикантных предложений категорически отказывались, а за

чрезмерную назойливость могли отправить на мороз с увольнением на выбор: по статье или по собственному.

Жену босса, впрочем, никто и никогда не видел, как и обручального кольца на его пальце. Так что у некоторых, особо красивых и неотразимых, лежали в карманах килограммы иллюзий.

Меня офисные страсти не заботили. Да, мне бы тоже не помешало встретить любовь всей своей жизни, но где-нибудь вне офиса. Царь и ключница – тот ещё мезальянс, в топку его. Никаких служебных романов на работе! Плавали, знаем.

– Пройдите ко мне в кабинет, Злата Сергеевна, – коротко бросил мне босс, проходя мимо.

Казалось бы, обычный рабочий момент. Но я всеми нервами ощутила возникшее в атмосфере офиса ненавидящее напряжение. Терпеть не могу выходы в офис. Прекрасно справляюсь со всем на удалёнке. Но сейчас конец года, полный завал, тут выбора нет.

Я захватила со стола планшет и пошла следом в кабинет.

– Говорят, тебя из квартиры выгнали, Злата, – напрямик, сходу, едва я переступила порог, спросил начальник.

А я застыла перед ним, как кролик перед удавом. В его глазах, в его улыбке – я не замечала раньше, бросилось в глаза только сейчас! – неуловимо сквозило нечто, роднящее с той сволочью, что едва не убила моего кота!

– Кто говорит? – помолчав, спросила я.

– Неважно, – отмахнулся он, но во взгляде мелькнула досада: прокололся.

Я смотрела на него и ощущала холод. Морозные такие, неприятные мурашки по хребту. Ведь обычно же как? Раз женщина, значит, язык длинный, раз язык длинный, значит, он вертится, раз язык вертится, значит, весь офис уже знает о моём невесёлом вчера. А раз знает офис, значит, знает и босс.

Но я-то никому в офисе ещё о своих приключениях не рассказывала. Как-то к слову не пришлось. Да я в целом болтать не особо люблю, больше слушаю, как треплются другие. В режиме «в одно ухо влетело, в другое вылетело, не задержавшись по пути».

Прокололся ты, шеф! По-крупному. О моих проблемах ты узнал не от меня и не от коллектива.

А от кого же тогда?

– Был конфликт, – не стала я спорить. – Я его уладила. Не стоит беспокойства, Николай Константинович!

Он долго смотрел на меня, и чем дольше смотрел, тем сильнее припекало мне кожу на загривке. Будь у меня шерсть, она стояла бы уже дыбом. Нет, не страх. Нечто другое, вбрасывающее в кровь адреналин перед последней схваткой. Полнее и жутче любого страха.

– Смотри, Злата, – с сомнением выговорил начальник. – Если нужна помощь... Я ценю вас как ответственного и дисциплинированного сотрудника. Мне не хочется, чтобы вы из-за каких-то неприятностей допускали ошибки. Ведь ваши ошибки – наши потери.

– Благодарю, Николай Константинович, – нейтральным тоном ответила я. – У меня всё под контролем. Я справлюсь. Не стоит беспокойства, Николай Константинович.

Отпусти ты меня уже, Николай мать твою Константинович! Я и так держу покер-фейс в твоём кабинете изо всех сил, скоро они закончатся, и я даже не знаю, что тогда получится. Нечто плохое получится, к гадалке не ходи!

– Хорошо, – он погасил свой пронзительный синий взгляд. – Как пожелаете. Вы свободны, Злата Сергеевна.

Выходила я из начальничьего кабинета с дрожью в коленках и под дулами прицельных взглядов всего коллектива.

– Ну-у? – подскочила ко мне Маринка.

Моя коллега, наши столы стояли рядом.

Надо сказать, Маринке от природы повезло с генетикой. Натуральный светло-пепельный цвет волос, голубые, широко распахнутые глаза, густые чёрные ресницы и брови из разряда соболиных. Всё это без заслуг косметолога, своё, от папы с мамой.

Если бы в нашем государстве существовала жёсткая евгеника с беспощадно соблюдаемыми законами, именно Маринку нашему Константинычу приказали бы взять в матери будущих детей. Чисто физически они смотрелись прекрасной парой.

А вот ментально...

Николай Константинович молчун, каких ещё поискать. Зыркнет глазом, и этого довольно: даже макароны на столе встанут по стойке смирно. Марина же из тех, кому так и тянет дать непрошенный совет: «закрой рот, авось сойдёшь за умную». Язык как помело. Без костей.

– Баранки гну, – ответила я ей, настроение у меня лежало под плинтусом и выбираться оттуда не собиралось. – Про отчёт спрашивал.

– Ну тупа-ая, – протянула Марина. – Вы ж одни остались. Вдвоём! При закрытой двери. Надо же было хватать!

– Ну умна-ая, – в тон ей огрызнулась я. – Пойди туда сама и схватись. Потом доложишь, один у него там или два.

Марина захлопнула рот. Крыть ей было нечем, над поясом верности босса в нашем отделе зубоскалили все, кому не лень.

– Всё, некогда, работать надо, – поспешила я сбежать от Марины.

Дай ей волю, заболтает до утра.

Город погрузился в зиму основательно. Обычно во второй половине декабря начинались оттепели, всё таяло, расквашивалось в едкую жижу, и праздник проходил среди серости и мрака, под противным дождём.

Не в этот раз.

Метель шла стеной, и дикий ветер гнал её волнами. Свет фонарей пробивался сквозь косые струи сухого снега размытыми оранжевыми пятнами. Полдень, время обеда, но вместо ясного дня – глухие сумерки.

Лето – маленькая жизнь, если вспомнить рекламные слоганы. Ну а зима в таком случае – маленькая смерть. Мир выцветает в монохром, тепло вымерзает в минус и под покровом вечной мглы кажется, что солнце уже никогда не вернётся.

Повезло, что блинная находится в том же торговом центре, что и наш офис. Повезло, что дойти до неё в перерыв – несколько шагов, а не перебежками через улицу в соседнее здание. Можно заказать кофе, к блинам – борщ со сметаной и пампушками, сидеть за одиночным столиком в углу у окон и тихо радоваться, что снегу сюда, в этот оазис тепла и света, не добраться.

А ведь мне потом домой идти... И снег там чистить.

Особняк в единоличном пользовании дело такое: все проблемы решаешь сама. Ну, или нанимаешь дворника, горничную, повара и остальных, кто будет решать проблемы старого дома. Последний вариант, как сами понимаете, не про меня.

Как там мой кот... Еду и воду я ему оставила. Может, хватит ума не выбираться через дымоход на крышу, а с крыши – за пределы двора. Не такое уж глупое животное, должно понимать, что во второй раз меня рядом может не оказаться.

Кому понадобился дворовой черныш, да чтобы душить...

– О, извини, надеюсь, ты не против. Зал забит, а у тебя тут местечко...

Марина в своём репертуаре. Прежде, чем я открыла рот, чтобы сказать «против!», она уже поставила на столик свой поднос, кинула сумочку на диванчик и устроила свою пятую точку.

Всё. Пропал калабуховский дом, то есть, обед.

– Что ты кислая такая, Злата? – зашебетала Марина. – Выше нос, Новый год впереди!

Это да, впереди. Украшения, гирлянды, блёстки, шары висят повсюду с октября. Понятно, праздник надо продать, выручка здесь строго сезонная, но...

Раньше, в детстве, ёлку наряжали не раньше двадцать пятого декабря... И ждали этого дня с огромной радостью. А сейчас будто что-то надломилось в мире. И сквозь трещину ушло навсегда.

– Злата, ты что, не слышишь меня, ну?!

Я медленно перевела взгляд на Марину. А, собственно, почему я должна слушать её трескотню? Из вежливости? Но не я её сюда привела, не я под дулом пистолета на лавочку усадила. Если она не понимает, что ей не рады, это ведь не мои проблемы, верно?

– Да, я тебя не слышу, Марина, – спокойно сказала я. – Сделай милость, помолчи, пожалуйста.

– Ой, подумаешь, надулась, – обиделась она. – Королева кислых щей.

Чтобы не вылить остатки борща Маринке на голову, я стала смотреть в окно и считать до ста в обратном порядке. За стеклом совсем уже стемнело, но ещё не настолько, чтобы сизое, подсвеченное городским освещением, небо сменило цвет на глухой чёрный.

С него летел снег, накосо, как ливень в мае, а потом сквозь волну метели начал вдруг проступать... череп.

Я встряхнула головой. Заработалась, что ли? Но нет, снег собирался в отчётливый силуэт: вот провалы глазниц, вот чёрный треугольник носа, жутко оскаленные зубы. Стивен Кинг, «как я провёл зиму», не смешно.

Я зажмурилась, затем снова раскрыла глаза. Череп не только никуда не делся, он стал ближе. Будто его несло ветром в нашу сторону. А стекло-то ведь здесь не сказать, чтобы толстое! Бронированным его не назовёшь.

– Злата, ты чего? – напряжённо спросила Марина.

Ей не понравилось моё лицо. Надо думать! Оно бы и мне не понравилось, взгляни я сейчас в зеркало.

– Переработала, – глухо ответила я. – Глазная мигрень. Когда мерещится всякое. Сейчас таблетку выпью...

Но глазная мигрень – это мерцания и пятна перед глазами, я-то уж знаю. И на неё у меня припасены таблетки. А здесь чёрт его знает что такое.

Теперь череп занимал собою всё панорамное окно блинной. Я смотрела на него, обливаясь едким потом от дикого ужаса, и не могла пошевелиться.

– А-а-а-а! – заверещала Маринка, догадавшись наконец посмотреть туда же, куда и я. – А-а-а-а!!!

В следующий миг в окно ударил громадный порыв ветра. Сила его была такова, что под ногами дрогнул пол. Стекло покрылось сетью трещин всё целиком, и я поняла, что следующего удара оно не выдержит. Череп ворвётся к нам и...

Я схватила Маринку за руку:

– Бежим!

И мы побежали.

За спиной раздалось ужасающие треск и грохот, дохнуло ледяным холодом, от которого сразу же всё тело взялось мелкими мурашками. Поднялся крик: посетители блинной разбега-

лись кто куда. Видели ли они то же самое, что и я, или просто уносили ноги от морозного сквозняка? Недосуг было спрашивать!

Я всё же поскользнулась, зацепилась рукой за декоративную колонну, чтобы не свалиться на пол. И увидела хлынувший вниз водопад из сверкающих осколков: в раме под очередным чудовищным ударом лопнуло второе окно. А за ним и третье!

Снег летел сквозь зияющие провалы, густой и плотный, и вместе с ним в помещение вошёл и череп тоже. Он поблёл, всё-таки внутри даже при разбитых окнах было намного теплее, но зато возникло {присутствие}. Мёртвое давящее ощущение проникшего в наш мир откуда-то из запредельных параллельных пространств зла.

И плевать ему на всю полицию мира. От него не спасёт никто.

Чёрт, никогда я не воспринимала фильмы ужасов как что-то страшное. Всегда над ними смеялась, чтобы не сказать, ржала. В сознание плеснуло безумием: может, ужасики решили таким образом мне отомстить за моё неверие? Явиться лично. И сожрать.

Господи, о чём я думаю, бежать надо!

Я споткнулась ещё раз, и не удержалась, полетела вперёд носом. Успела обхватить себя за плечи ладонями, чтобы не сломать руки, но всё равно очень больно проехала локтём. В ушах шумело, сердце бухало в рёбра, в спину дышало запредельным ужасом.

Холод охватил меня странным оцепенением. Я поняла, что не могу даже пальцем шевельнуть, и обречённо закрыла глаза. Всё. Сейчас меня уничтожат. Вот прямо сейчас...

Но гнавшееся за мной метельное зло вдруг отодвинулось назад. И начало неохотно поползать в разбитое окно обратно. Сначала медленно, затем всё быстрее, пока не исчезло совсем. Холод остался, из разбитых окон несло морозом. Но смертельной угрозы уже не существовало, она исчезла, испарилась без следа. Как и напавший на меня столбняк.

Я зашевелилась. Надо было подниматься. И тут я увидела прямо перед собственным носом ботинки. Хорошие такие, качественные, из жёлтой кожи. А потом меня подхватили под руки, поставили на ноги. Я вдохнула тонкий запах дорогого мужского парфюма, прозрачный, острый, холодный, как морской бриз.

– Не ушиблись, Злата Сергеевна?

И голос... привычный и в то же время другой. Вне офиса он звучал иначе.

Я поспешила освободиться. Вот же досада! Проехалась по полу на брюхе прямо к ногам властителя мира. И смешно и страшно одновременно. Потому что взгляд Маринки, исполненный дикой зависти, никто не отменял. Похоже, она мысленно кляла себя последними словами за то, что не догадалась сама вовремя поскользнуться.

– Не стоит беспокоиться, Константин Николаевич, – выговорила я со всем достоинством, отчаянно стараясь, чтобы голос не дрожал и не стучали зубы.

– Может быть, вам стоит обратиться к врачу? Ушиб, растяжение, возможно, даже перелом...

– Благодарю, – ответила я. – Но ничего такого... всё хорошо.

– Тяжёлая какая зима, – защебетала Марина, подсовываясь к нам поближе. – Это ж надо же ветер какой, окна разбило!

Но начальство уже потеряло к нам всякий интерес. Николай Константинович коротко кивнул нам и пошёл себе прочь.

– Дура ты, Златка! – фыркнула Марина. – Надо было в руки ему падать и стонать про перелом! Глядишь, на ручках до медпункта дотащил бы.

– Сама дойти могу, – хмуро буркнула я.

– Сама! Такой мужчина... эх! Уж я бы на твоём месте...

На моём месте Маринка отождгла бы фееричную комедию под названием «дева в беде», можете даже не сомневаться.

– Слушай, – медленно выговорила я. – А ты... ничего не видела?

– Ты о чём? – не поняла она.

– В окне. До того, как ветер разбил стекло. Мне показалось, что в метели двигалось что-то...

Что Марина сейчас ответит? Отмахнётся или скажет, что тоже видела тот череп?

ГЛАВА 4

Марина внимательно посмотрела на меня. Считает сумасшедшей? Похоже на то.

– Что там могло двигаться? – пожала она плечами, и отвела взгляд. – Ветер, снег...

Врёт, поняла я. Но, может быть, она не хочет показаться сумасшедшей? Да и я, если честно, сейчас, когда опасность миновала, уже не очень-то доверяла своей памяти. Череп, ха! А что насчёт дьявола с копытами и рогами? Меня никто не воспримет всерьёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.